

«Шестидесятники» -

Это не «авангард»?!

В чем это был «авангард», а в чем нет?

Почему всё же не «авангард»?

Менее курьёзно, но тоже не безоговорочно звучит определение «Второй русский авангард».

Претензии к термину, в основном аналитические, - в том, что было выше Оказано по поводу «левизны».

Ведь если сделать опять экскурс в прошлое - в нач. XX в., - и попытаться понять квинтэссенцию авангардности в понимании представителей тогдашних радикальных направлений, то «авангард» будет означать прежде всего, по возможности, безоглядную устремленность в будущее, культ абсолютной крайней новизны и принципиальной настрой на разрыв с традицией вообще, в частности, в первую очередь, с художественной традицией, наиболее приближенной в предшествующем периоде исторического времени. Если «мирискусство» и «символисты» восставали против академизма, салона и передвижников, то футуристы, в свою очередь, - радикально против «мирискуства» и «символизма» и т. п. (Например, даже Кульбину футуристы не могли простить увлечение Врубелем).

Другое дело, что при отвержении, арт-традиций, ближайших во времени (от передвижников до «мирискуства»), у кого-то осознанно (как у Гончарова, Ларионовой), у кого-то полуосознанно (Малевич) актуализировались традиции более удаленные, «архаичные» или «маргинальные» (примитивное, «наивное искусство», детский рисунок, лубок - и т. п.), к которым апеллировали и Малевич с Филоновым (такие, казалось бы, крайние «авангардисты»!)

И все же во главу угла, в смысле меры-критерия-показателя «авангардности», как и «левизны», легла степень разрушительного разрыва, со всем прошлым вместе взятым.

Стрела надежды, устремленной в «далекое», волевым образом (даже насильственно - «революционно») приближает «светлое будущее». И в этом утопическом и футуристическом целостном приоритете тогдашний «авангард» 10-20х гг. действительно совпадал (по умонастроению) с творцами революции, красотой утопии и «левой» идеологией.

Что же касается наших «60-ков», то они, осознавая свою связь - генетическую преемственность относительно прерванного «Первого русского авангарда», видимо не случайно, а принципиально. Тем не менее, вовсе проигнорировали всю столь характерную для 10х и особо 20х гг., ультра - революционную, направленную на полное «разрушение» старого мира - на окончательный разрыв с прошлым, тенденцию исторического Авангарда т.е. эта как раз крайне-левая линия в нём изначально и принципиально не была у них востребована, не была ими реактуализована.

Как для нашего постмодернистского времени, так и уже для наших «60-ков» не является актуальной и тем более доминирующей линия радикального (ультра-революционного) Авангарда, который, можно определить как анти-пассеизм (радикальный разрыв с прошлым), наряду с обостренным; нетерпеливым футур-утопизмом (культулом будущего)

У наших 60-ков, ни вершка линейного прогресса, ни моноцентрическая модель современного искусства не вызывали никакого энтузиазма, правда, без должного теоретического осмысления, у них уже имелся как бы инстинктивный и в силу сопротивления советской идеологии некий врожденный иммунитет против прогрессистских утопических идеологемм. Хотя, конечно, и хотелось найти, выявить и познать наиболее современные, перспективные, жизнеспособные линии развития. Но виделись они очень по-разному, плюрально априори!

Как мы уже убедились, «60-ки», в отличие от лидеров - зачинателей былого крайнего авангарда, изначально не отменяли, не отказывались и от свойственных им ретроспективно-пассеистических устремлений (т.е. неотрадиционалистских ориентации). Для них это было вполне осознанно, в

порядке вещей. Нимало не вуалируясь, в отличие от футуристов, они не стыдились связи с их «воображаемым музеем», Они

к тому же менее всего склонны были культивировать утопию «строительства будущего», охотнее обращаясь к Вечности, либо к прошлому, но не как к исторической данности, а как к вдохновляющему материалу для активной его реинтерпретации и трансформации, короче, - радикальной реформации, традиционно привлекавшей их внимание в их актуальном живом настоящем.

Для них действительно не менее, чем авангардная смелость и новизна,

было важно и культурное наследования, Но именно по праву свободного наследования, - своевольного. Это касалось широкого спектра до них долго не востребованных традиций. Этим наследием они чувствовали себя вправе

распоряжаться по своему усмотрению, как им заблагорассудится, а точнее, как Бог на душу положит. Ведь заметим, что в отличии от типичного для бывшего «революционно-авангардного» атеизма («богоборчества»), они в основном скорее тяготели к некоторой неформальной религиозности (или метафизическому философскому мировоззрению). Это можно было бы условно назвать мистическим анархизмом, учитывая крайнюю поведенческую свободу, «отвязанность», в сочетании со столь же ощутимым богоискательским настроением, что резко отличает от нашего времени, когда

современные искусствоведы и церковные ортодоксы находятся в

нарастающей и неустранимой конфронтации, когда пути искусства и религии фактически расходятся.

Говоря о «60-ках» и о культурной ситуации 60-80-х гг. в целом, нужно изначально понять, что мы почти не встретим здесь мировоззренческие аналоги настоящего крайнего радикального авангарда, будь то крайности футуризма и конструктивизма 10-20-х гг. или левый, заведомо антитрадиционный, авангард в духе бунтующего «шестидесятнического» Запада. Но уместно ли сводить культурное проявление Авангарда лишь к

этой, действительно наиболее заметной, претендующей на магистральность,

ультрареволюционной центральной линии?